

УДК 821,511:142

В.Л. Сязи

### Образ родного дома/земли в повести Е.Д. Айпина «У гаснувшего очага»

*Аннотация.* В творчестве хантыйского прозаика Е.Д. Айпина образ родного дома/земли становится доминантным. Дом для главного героя произведения ассоциируется не только с жилищем, но это, прежде всего, горячо любимая Мама, Папа, старец Ефрем, дед Роман, Бабушка, род Бобра и хантыйский народ, родная земля. Автор подчеркивает особое отношение народа к земле, это отношение прививают родители с раннего возраста детям. Дом осмысливается и как родина. Автор не акцентирует внимание на интерьере дома и его размере. Дом понимается поэтами как часть материальной и духовной культуры.

*Ключевые слова:* повесть, образ, дом, земля, мама, семья, хантыйский народ.

V.L. Syazi

### The image one's own home/native land in the story by E.D. Aipin «By the Extinguishing Hearth»

*Abstract.* In the works of the Khanty writer D.E. Aipin the image of home/the earth is dominant. For the main hero a home is associated not only with housing, but it is, beloved by Mother, father, elder Ephraim, father Roman, Grandmother, genus of Beaver and the Khanty people, native land. The author emphasizes the special relation of people to land, this attitude is taught by parents from an early age children.

*Keywords:* story, image, home, land, mother, family, Khanty people.

Айпиноведение – сравнительно молодая область научного знания по финно-угорской литературе. Поэтому важно, как она развивается, каким ориентирам следует. Анализ работ исследователей, критиков и публицистов, обратившихся к творчеству хантыйского прозаика Е.Д. Айпина, показал, что образная система его произведений почти не изучена. В своей работе мы постараемся отчасти восполнить данное упущение, рассмотрев образ дома / земли в его повести «У гаснувшего очага», созданной в 1998 году.

Образ родного дома/земли занимает одно из основных мест не только в творчестве Е.Д. Айпина, но и в образной системе всей хантыйской литературы. Свидетельством этого могут служить работы Е.В. Косинцевой, которая концептуально рассматривала дом в хантыйской поэзии [1]: «Все поэты именуют домом Северную землю. Дом в их творчестве вмещает в себя составляющие понятия «Малая Родина». Все поэты, создавая образ дома, исполь-

зуют разные наименования для разграничения типов строений: дом, изба, терем, хоромы, шатер, юрта, чум и проч. Домом в их творчестве становятся рыбацкий стан, родовые угодья. Дом ассоциируется то с гнездом, то с муравейником. <...> М.И. Шульгин использует сравнения и олицетворения предметов, природных явлений в воспоминаниях о доме. В.С. Волдин и Р.П. Ругин с домом связывают этнические традиции. М.К. Вагатова связывает дом с огнем (очагом, костром). Есть в её поэзии восприятие транспорта как дома. С домом в хантыйской поэзии связан жанр воспоминаний. Дом чаще всего раскрывается в творчестве хантыйских поэтов через ностальгические мотивы» [2].

Е.Д. Айпин столь же трогательно относится к родному дому. Анализ произведений хантыйского прозаика показывает устойчивое, постоянное, не меняющееся чувство любви к родной земле / дому на протяжении всего творчества автора. Любовь к малой родине питает писателя

не только жизненными силами, но дает ему еще и силы для творчества.

Тема родного дома, земли – одна из центральных в творчестве прозаика. Наиболее ярко она представлена повестью в рассказах о верованиях, обычаях, обрядах и преданиях народа ханты (остяков) Обского Севера – «У гаснущего очага». В повесть вошли все главы изданного ранее Айпиным произведения «Я слушаю землю», которое было написано в 1983 году.

Сам прозаик объяснял такое решение стремлением расширить картину жизни хантыйского народа, продолжив повествовательную линию о судьбе главного героя и его семьи, а шире – народа и страны.

Одним из главных в повести является образ дома. В доме живут люди, в нем звучат голоса детей. Земля жива дыханием ребенка, утверждает М.К. Вагатова, и эту же мысль воплощает в произведении Айпин. Повесть начинается приходом на Землю Романа – главного героя повести. Каждая часть главы словно отражает определенный участок познания ребёнком окружающего мира. Отношение к родной земле прозаик выразил устами юного героя. Мальчик только познает мир, и в этом ему помогают родители и представители старшего поколения – бабушка, бабушкина сестрица, дед Ефрем. Дом держится на главенстве старших. Старшие члены семьи пользуются особым уважением и почетом. Важно, что дом дает первые знания о мире, формирует характер, нравственные качества – через ближайшее окружение ребенка, семью.

Образ дома автор создает через членов семьи главного героя, которые непосредственно контактируют с ним или же присутствуют благодаря памяти души (у ханты есть обычай при наречении имени ребенка узнавать, душа кого из предков в него переселилась, т.е. ханты верят в реинкарнацию). Главного героя повести, Романа, согласно обычаю называли в честь деда по отцу: «И получил я счастливое имя моего деда по отцу – Роман. Его имя отдали мне затем, чтобы я вырос таким же благород-

ным, отважным и сильным, каким был мой Дед» [3, 12].

В первой части повести автор подчеркивает традиции семьи, издавна сложившийся уклад жизни и семейных отношений: «Помню, как Мама носила меня на руках. Помню тепло ее добрых, ласковых рук. Помню трещины и зарубки на стенах домов, где мы жили, и сосну, что увидел солнечным утром, впервые выйдя на улицу. Помню высокое-высокое небо над головой и перелетных птиц, что приносили теплую весну. Птиц, что приносили изумительно белые ночи. Птиц, что разноголосым гомоном будили всю округу, будили весь наш Север» [3,11].

Женщина, мать – хранительница домашнего очага, несмотря на свою занятость домашним хозяйством, находит время приласкать детей, приобщить их к правилам и порядку семьи и мира. Неслучайно в повести сочетание «тепло её добрых, ласковых рук» говорит об отношении Романа к матери. О важности матери в жизни ребенка и семьи говорит и тот факт, что автор в повести пишет слово «Мама» с заглавной буквы, этим он подчеркивает трепетное отношение к преждевременно ушедшей из этого мира матери.

Айпин сумел показать не только счастливый дом – полную чашу, со смехом детей, добрыми отношениями между мужем и женой, уважением к старшему поколению. Автор передал боль утраты самого близкого и дорогого человека: с уходом матери мир для детей становится непостижимо сложным и жестоким.

Мама выступает в повести и как центральный стержень дома, семьи. С детьми больше время проводила мама, так как отец был на промысле. В результате связь между ребенком и матерью была наиболее прочной. Мама выполняла роль учителя, пристально наблюдающего за нравственным и физическим здоровьем малышей. Много об окружающем мире малышу рассказывает мама: благодаря ей ребенок познает бережное отношение к земле, птицам, деревьям. Мама Романа, рассказывая

мальчику об окружающем мире, одушевляя флору и фауну тайги, начиная с травинки, кустарника, дерева и заканчивая луной и солнцем, объясняет, что все это живое и имеет душу. Так создал Нум Торум, и у каждого создания в этом мире – свое предназначение, человек не должен напрасно обижать свой дом, а природа – это и есть дом народа ханты. Так повелось с незапамятных времен.

Старец Ефрем, отец Романа, бабушка – Мамина Мама, Бабушкина Сестрица – это старшие представители семьи главного героя повести, которые также играют важную роль в формировании мировоззрения ребёнка. Старец Ефрем – не только крестный Романа, он был и родным братом деда мальчика, имя которого носил малыш. Старец был сказочником и певцом: пел песни, рассказывал сказки, легенды и предания. Бабушка – Мамина Мама – также участвовала в воспитании детей, а после ухода Матери Романа приезжала и помогала осиротевшей семье по хозяйству. Бабушка оказывала посильную помощь внукам, тем самым сохраняя род. Это было неписанным законом – оказывать помощь сиротам, так же, как и старики, данная категория в традиционном обществе была на особом положении. Отсюда и отношение Бабушкиной Сестрицы, которая ставила столик и угощала своих молодых гостей чаем, совсем как взрослых. Бабушкина Сестрица помогала детям-сиротам как могла, шила и ремонтировала износившуюся одежду: «Я не помню, что она сделала для моих сестер. А то, что сделала для меня, – хорошо помню. Это и новая рубашка, и малица комариная, и подошвы к нырикам – летней обуви из оленьей или лосиной замши» [3, 106]. Но не жалела словами – она сочувствовала детям в душе, не напоминая об их трагедии. Помощь со стороны Бабушкиной Сестрицы была именно родственная: женщина чувствовала свое участие в судьбе двоюродных внуков. Внуки сестры были и ее семьей, и частичка самой Бабушкиной сестры присутствовала в этих детях. Уход из жизни Матери Романа показал другую

сторону жизни детей, присутствие и помощь родственников, которые также формируют образ дома. Взаимопомощь, забота друг о друге, воспитание детей – вот что объединяет семью Романа.

Атмосфера дома окутана впечатлениями детства, которые навсегда сохранились в памяти, укрепились привычками и стали частью характера авторского стиля прозаика. Элементы этнопедагогики прослеживаются буквально на каждой странице, бережное и чуткое отношение к природе, к родному краю – это и есть любовь, и духовное богатство народа.

«Писатель начинает повествование с определенного места – открытое пространство – двор дома. Но по ходу рассказа местность расширяется до границ селения, и дальше до всей тайги и целого мира» [4]. Вместе с тем в повести нет детального описания жилища. В повествовании встречаются лишь отдельные упоминания о чувале, столе, о женской половине чума. Больше внимания прозаик уделил внешнему пространству, находящемуся за пределами жилища человека – дома. В повести присутствует множество топонимов, гидронимов, причем у каждой горы, реки, протока, яра имеется название. Автор в произведении пишет эти названия с заглавной буквы: Домашний Бор, Протока Болотной Стороны, Малый Яр, Большой Яр, Колодезный Сор. Эта особенность указывает на тесную взаимосвязь человека и природы.

Отдельные главы повести, например, «Киври», «Гора Осеннего Селения», «Олений Дом» формируют общее жизненное пространство человека севера. Жилое место – дом – было обустроено не только у человека, но и у животных (свои жилища были у собак и у оленей). Оленному дому посвящена отдельная глава с одноименным названием: «На окраине нашего селения, на песчаной поляне, стоял олений дом – оленник. Большой бревенчатый дом с двускатной крышей и земляным полом. Посредине дымокур, огороженный крепкими жердочками. А дымили сырые сосно-

вые чурки. Их со всех сторон обкладывали влажным торфом или болотным мхом – чтобы не горели, а медленно шаяли» [3, 32]. У воды был свой домик под названием «Киври»: «...к маленьким колодцам. Над ними сооружали островерхие навесы из жердей и болотного мха – домики киври, защищавшие колодцы от хвоинок и листочков, крошек сосновой коры и прочего сора. А киври – это колодец на болоте или в низинке на окраине бора, это и прорубь на озере, откуда берется питьевая вода» [3, 36].

Образ дома, сложившийся в детстве, наложил отпечаток на всю жизнь не только героя, но и автора (и здесь можно уверенно утверждать, что образ дома в повести автобиографичен). Подтверждением этому служит заключение автора, сделанное в повести: «Только после, когда я объехал многие земли, многие города и села, испил воду многих рек и озер, многих родников и колодцев, я понял, что подобной той – в киври под Горой Осеннего Селения – нигде больше нет. И – с годами я уверовал в это – не могло быть...» [3, 38].

Семья Романа в повести ведет традиционный образ жизни, следует вековым законам предков, которые учили беречь и уважать дом, в котором живет человек. Домом в ментальности северных этносов принято называть все окружающее пространство – тайгу, тундру, реку, людей рода, т.е. дом не ограничивается только строением. Об этой особенности северного этноса пишут и этнографы. Например, М.А. Лапина в монографии «Этика и этикет хантов» (1998) отмечает: «Ханты жили в тесном контакте с природой. Гармония, царящая в природе, накладывала свой отпечаток и на народную этику. Этические представления находили свое отражение в житейской философии и морали и были связаны с метеорологическими, астрономическими и другими наблюдениями за окружающей природой. Природа являлась главным фактором, объединяющим в единое целое комбинированные меры воздействия на поведение людей, их образ жизни. <...> Жизнь

на Севере выработала у местных народов особое отношение к природе – это принцип биосферного равенства как признание равных прав всех живых существ» [5, 25].

Гром-Старик, Ветер Старик, Ветра сын, Старик Месяц, Собака Старика Месяца – это народные имена природных явлений, имеющих в самоназвании лексему, характеризующую человека в современном сознании. Данные имена природных явлений четко отражены и зафиксированы в памяти народа. Этим указывается тесная взаимосвязь человека и природы. Природа воспринималась как друг, мать, кормилица и дом. «У писателей народов Севера, – пишет В.Санги, – есть одна замечательная черта – у них совершенно отсутствует тема так называемой героической борьбы с природой. Природа для северян – мать» [6, 37].

Для северных народов характерно олицетворение всего живого. Родство с природой – основное правило бытия, это неписанный закон, по которому ханты жили столетиями. Бережное отношение человека к природе распространялось не только на животных, травы, деревья, реки, но и на землю. К земле, как и к воде, небу, огню было особое отношение – почтительное. И в творчестве Е.Д. Айпина мы видим, как земля обожествляется его героями, она священна. М.А. Лапина заключает: «В мировоззрении хантов священные места – это настоящие заказники. В таких местах нельзя трогать землю, громко разговаривать, ловить рыбу, пить воду. Даже дрова для священного костра люди приносили с собой. По сведениям информантов, во время общих коллективных священнодействий, чтобы не осквернить землю, подошвы ног обертывали берестой. Нарты, лодки, в которых прибывали люди, также оставляли в стороне, боясь того, что в них могла сидеть женщина. Если человек был на костылях, то их переворачивали, ставили наоборот. Таким образом оберегалась, освящалась земля, на которой жили» [5, 27].

В произведениях прозаика встречается несколько синонимов к слову «Земля»: «Сидящая Матерь», «Сидящая»,



«Священная Земля», «Кожи́стая» и «Шерсти́стая». К.Ф. Карьялайнен в трехтомнике «Религия югорских народов» упоминает следующие синонимы лексемы «Земля»: «кожи́стая земля, волоса́тая земля», «священная земля с грязным хребтом» [7, 230]. Т.А. Молданова в работе «История религии обско-угорских народов» пишет: «В настоящее время Земля обычно представляется в антропоморфном облике, ее именуют «Земля-Мать», или иносказательно «Сидящая». Фольклорная формула всеобщей Матери: «Пуши́стая Земля-Мать, шерсти́стая Земля-Мать» или «В одеянии богиня-Мать». Первая формула предполагает, что некогда Земля представлялась в образе животного, вероятнее всего лосихи. В настоящее время считается, что травы и деревья – это ее одежда. Отсюда представление: «Выруба́ть деревья – оголя́ть Мать», «Коло́ть (копа́ть) землю́ острым предме́том – наноси́ть рану́ телу́ Матери» [8, 49].

Слово «Земля», по словам мамы Романа, нельзя часто произносить, только в особо значимых случаях, на больших торжествах-праздниках, а также в критическую минуту, когда взывают о помощи. Мама Романа учит мальчика бережно относиться к Земле, порез, нанесенный острием топора, равноценен ране на теле. Для того, чтобы залечить рану, её нужно закрыть щепками и хвоей. Земля обожествлялась и ассоциировалась с Богиней, к ней относились с трепетом и уважением. Земля имеет женскую ипостась, рождающую и дающую новую жизнь, пропитание всему живому. Все, что давала земля, ханты принимали

с большой благодарностью – будь то травинка, дерево, ягоды, шишки. Неслучайно слова «Земля» автор пишет в повести с заглавной буквы. В поэтическом творчестве М.К. Вагатовой лексема «Земля» также написана с большой буквы. Поэтесса сравнивает Землю с Матерью: «У Земли и нашей мамы / Схожи древние заботы – / Самой честной, важной самой / Заняты они работой» [9, 12], а в некоторых стихотворениях слова «земля» и «мать», написаны через дефис, воспринимаются как единое целое. Так, мы видим, как традиционное сознание авторов переходит на их героев и транслируется на страницах прозаических и поэтических произведений.

В повести «У гаснущего очага» в главе «Олений дом» автор задается вопросом: «Каким узлом, какой нитью нужно связать человека с домом, с землей, с отечеством, где он родился и встал на ноги, чтобы не слабела и не рвалась эта связь? Каким узлом, какой нитью?» [3, 36]. Вся повесть – это попытка найти ответ на поставленный вопрос, который заставляет задуматься о связи человека с отчим домом. Для героев повести, как и для самого прозаика, понятие дом – это не только жизненное пространство человека, родная земля, природа, реки и озера, леса и бор, птицы и звери; это, прежде всего, семья – любимая Мама, Отец, старец Ефрем, дед Роман, бабушка, весь род Бобра – и весь хантыйский народ, которому и посвящена повесть, наполненная тоской и печалью по былому величию малого народа и бесконечной преданностью северному краю.

### Литература

1. Косинцева Е.В. Образ дома в поэзии В.А. Мазина // Филологические исследования обско-угорских языков: традиции, новации, итоги, перспективы: материалы Всероссийской заочной научно-практической конференции XII Югорские чтения (20 декабря 2013 г., Ханты-Мансийск). Тюмень: ООО «Формат», 2014. С. 150–156.
2. Косинцева Е.В. Концепт дом в хантыйской поэзии // Известия Уральского государственного университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. – 2010. – № 6 (85). – Ч. 1. – С. 65–75. [электронный ресурс] // URL: <http://hdl.handle.net/10995/18890> (дата обращения: 15.04.2015).
3. Айпин Е. Собрание сочинений: в 4 т. СПб.: ЗАО «Торгово-издательский дом «Амфора», 2014. Т. 1. 286 с.

4. Анастасия Бужевич. О рассказе Еремея Айпина «Я слушаю землю» [электронный ресурс] <http://n-msk.com/stati/tvorchestvo/eremei-aipin.html> (дата обращения: 17.04.2015).
5. Лапина М.А. Этика и этикет хантов. Томск- Екатеринбург: ООО «Баско», 2008. 120 с.
6. Комиссарова Татьяна. Оранжевый колонок сна. // Хантыйская литература: Сборник / сост. В. Огрызко. М.: Литературная Россия, 2002. С. 35–40.
7. Карьялайнен К.Ф. Религия югорских народов. / Перевод с немецкого и публикация д-ра ист. наук Н.В. Лукиной. Томск: Изд-во Том. Ун-та, 1995. Т. 2. 230 с.
8. Молданова Т.А. Краткий курс лекций по учебной дисциплине «История религии обско-угорских народов». Ханты-Мансийск: РИЦ ЮГУ, 2008. 119 с.
9. Вагатова М.К. Моя песня, моя песня: Стихотворения, легенды и сказки. – Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во. Новое время, 2002. – 192 с.

#### References

1. Kosinceva E.V. Obraz doma v poezii V.A. Mazina // Filologicheskie issledovanija obsko-ugorskih jazykov: tradicii, novacii, itogi, perspektivy: materialy Vserossijskoj zaochnoj nauchno-praktičeskoj konferencii XII Jugorskie čtenija (20 dekabnja 2013 g., Hanty-Mansijsk). Tjumen': ООО «Format», 2014. S. 150–156.
2. Kosinceva E.V. Koncept dom v hantyskoj poezii // Izvestija Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 1. Problemy obrazovanija, nauki i kul'tury. – 2010. – № 6 (85). – Ch. 1. – S. 65–75. [jelektronnyj resurs] // URL: <http://hdl.handle.net/10995/18890> (data obrashhenija: 15.04.2015).
3. Ajpin E. Sobranie sochinenij: v 4 t. SPb.: ZAO «Torgovo-izdatel'skij dom «Amfora», 2014. T. 1. 286 s.
4. Anastasija Bujakevich. O rasskaze Eremeja Ajpina «Ja slushaju zemlju» [jelektronnyj resurs] <http://n-msk.com/stati/tvorchestvo/eremei-aipin.html> (data obrashhenija: 17.04.2015).
5. Lapina M.A. Jetika i jetiket hantov. Tomsk- Ekaterinburg: ООО «Basko», 2008. 120 s.
6. Komissarova Tat'jana. Oranzhevyj kolonok sna. // Hantyskaja literatura: Sbornik / sost. V. Ogryzko. M.: Literaturnaja Rossija, 2002. S. 35–40.
7. Kar'jalajnen K.F. Religija jugorskih narodov. / Perevod s nemeckogo i publikacija d-ra ist. nauk N.V. Lukinoj. Tomsk: Izd-vo Tom. Un-ta, 1995. T. 2. 230 s.
8. Moldanova T.A. Kratkij kurs lekcij po uchebnoj discipline «Istorija religii obsko-ugorskih narodov». Hanty-Mansijsk: RIC JuGU, 2008. 119 s.
9. Vagatova M.K. Moja pesnja, moja pesnja: Stihotvorenija, legendy i skazki. – Ekaterinburg: Sred.-Ural. kn. izd-vo. Novoe vremja, 2002. – 192 s.